

Введенский А. И. Всенощная [Рец. на: Die Nachtwache oder Abend-und-Morgengottesdinst der Orthodox – Katholischen Kirche des Morgenlandes. Deutsch und Slavisch unter Berücksichtigung der griechischen Urtexte von Alexios Maltzew] // Богословский вестник 1892. Т. 2. № 6. С. 588–595 (2-я пагин.).

Die Nachtwache oder Abend-und-Morgengottesdienst der Orthodox - Katholischen Kirche des Morgenlandes. Deutsch und Slawisch unter Berücksichtigung der griechischen Urtexte von *Alexios Maltzew*, Propst an den Kirchen der Kaiserlich Russischen Botschaft zu Berlin und der Russischen Kolonie „Alexandrowka“ bei Potsdam. Berlin. 1892. LXXXIX+827.

Всенощное бдѣніе или Вечерня въ соединеніи съ Утрению православной католической восточной Церкви. Пѣмецкій переводъ съ параллельнымъ славянскимъ текстомъ, провереннымъ по греческимъ оригиналамъ, протоіеря *Алексія Мальцева*, настоятеля православныхъ церквей въ Берлинѣ - при Императорскомъ Россійскомъ Посольствѣ, и въ Потсдамѣ - при Русской колоніи „Александровкѣ“. Берлинъ. 1892.

Трудъ, заглавіе котораго мы выписали, составляетъ продолженіе изданнаго около двухъ лѣтъ тому назадъ тѣмъ-же достопочтеннымъ авторомъ перевода на нѣмецкій языкъ Божественной Литургіи (Berlin, 1890). Имѣя такимъ образомъ свое достаточное оправданіе уже въ этомъ послѣднемъ, какъ его необходимое продолженіе, являющийся нынѣ переводъ Всенощнаго Бдѣнія, какъ мы узнаемъ изъ предисловія къ нему, имѣлъ и свои особые мотивы. Именно, „если чинъ Божественной Литургіи, какъ главенствующей церковной службы, и былъ переводимъ на нѣмецкій языкъ, хотя и не въ столь полномъ видѣ, то Всенощное Бдѣніе доселѣ было извѣстно лишь въ двухъ весьма неполныхъ переводныхъ извлеченіяхъ: King'a, die Gebräuche und Ceremonien der griechischen Kirche in Russland (Riga, 1773), и Euchologion der orthodox-katholischen Kirche des Morgenlandes (Wien, 1861) покойнаго о. протоіеря Раевского. Вся-же

измѣняющаяся часть всенощнаго богослуженія, заимствуемая изъ октоиха, постной и цвѣтной тріодей и различныхъ миней предлагается теперь въ *первый разъ*. Такимъ образомъ, въ „Приложеніи“ къ переводу Всенощной (которое, впрочемъ, гораздо обширнѣе самой главной части, — стр. 282—811), мы находимъ переводъ Стихирь, Богородичныхъ, Тропарей, Кондаковъ, Ирмосовъ и пр. на дни недѣли—воскресные (по Октоиху), праздники по порядку всего церковнаго года и при томъ не только двенадцатые, но и нѣкоторыхъ особо чтимыхъ святыхъ (свв. Іоанна Богослова, Іили Пророка и др.); далѣе—порядокъ (съ предварительнымъ объясненіемъ) службъ Великаго поста, Страстной седмицы, Пасхи и т. д.; и наконецъ—переводъ прошенія на эктениіи и молитвы при постѣщеніи глада. Въ началѣ книги кромѣ Предисловія и пасхальной таблицы на 20 лѣтъ помѣщены три весьма цѣпныхъ статьи: „объясненіе Всенощнаго Вдѣнія“; „объясненіе церковныхъ терминовъ“ (Akathistos, Antiphonon и т. д.—въ алфавитномъ порядкѣ), и, наконецъ, „сравнительный очеркъ вечерней и утренней церковныхъ службъ въ церквахъ восточной и западной“; а въ концѣ — весьма интересный образецъ приспособленныхъ регентомъ посольской Церкви, г. Боголюбскимъ, для смѣшаннаго нѣмецкаго хора нотныхъ переложеній (Господи воззвахъ, — всѣхъ 8 гласовъ).

Таковъ богатый и разнообразный составъ книги. Вышность ея не оставляетъ желать ничего большаго: это изящное компактное изданіе (въ 16-ю долю), на хорошей бумагѣ, съ весьма четкимъ шрифтомъ. Переводъ посвященъ *Еи Императорскому Высочеству, Великои Княгини Елисаветъ Феодоровнѣ*.

Что касается внутреннихъ свойствъ перевода Всенощной, то онъ отличается тѣми-же достоинствами, которыя были отмѣчены критикою и въ раньше изданномъ переводѣ Литургіи, — а именно тремя слѣдующими: а) вѣрностью перевода духу православія; б) научною тщательностію перевода, и даже по мѣстамъ в) художественностію.

а) Говорить о православіи *переводѣ*. новидимому, нѣсколько странно: переводъ можетъ быть только точнымъ или неточнымъ и, если онъ точенъ, то это уже ручается и за его православіе (если, конечно, сама переводимая книга право-

славна), и наоборотъ. И однако, при всемъ томъ, именно при переводѣ на новые языки древнихъ богослужебныхъ книгъ, имѣеть мѣсто эта специальная критика съ точки зрѣнія православія. Дѣло въ томъ, что иногда изъ двухъ или нѣсколькихъ, пригодныхъ для передачи того или другаго богослужебнаго термина словъ, практикою освящено одно, наиболѣе согласное съ характеромъ и духомъ того или другаго инославнаго исповѣданія, а другое слово, иногда болѣе строгое и точное, совершенно изгнано изъ употребленія: Напр., протестанты обыкновенно переводятъ слово *Θεοτόκος*—Богородица общимъ выраженіемъ *Gottes Mutter*. Но православный переводчикъ не могъ-бы удовольствоваться этимъ слишкомъ общимъ выраженіемъ, которое можетъ быть употреблено такъ же и въ смыслѣ переносномъ, тамъ, гдѣ нужно обозначить *тѣлесное* рождение и гдѣ св. Церковь прямо имѣеть въ виду догматъ воплощенія (*incarnatio*) Сына Божія отъ Пресв. Дѣвы Маріи. Здѣсь онъ долженъ взять другой терминъ (какъ это въ разсматриваемомъ нами переводѣ и сдѣлано) — *Gottesgebäigerin*, хотя онъ чрезвычайно рѣдко встрѣчается въ богословской протестантской литературѣ и, повидимому, совсѣмъ вышелъ изъ обычнаго словоупотребленія. И вотъ именно, разсматривая переводъ о. Протоіерея А. П. Мальцева съ этой точки зрѣнія, мы, при всей тщательности поисковъ, не могли-бы открыть въ немъ въ этомъ отношеніи недостатковъ. Какъ видно уже и изъ приведеннаго примѣра, онъ скорѣе предпочитаетъ употребить терминъ устарѣвшій и для нѣмецкаго уха можетъ быть нѣсколько странный, чѣмъ поступиться строгостью богослужебной терминологіи, имѣющей догматическій оттънокъ. Таже вѣрность духу Православія, любовь къ нему и вѣра въ его истину отображены и въ двухъ большихъ, помѣщенныхъ въ началѣ книги, приложеніяхъ (къ сожалѣнію, не переведенныхъ по русски), изъ которыхъ въ одномъ дается объясненіе всемогущаго бдѣнія, а въ другомъ дѣлается его сравнительная оцѣнка путемъ сличенія съ соотвѣтствующими службами церкви западной (Римской), какъ они изложены въ *Breviarium Romanum*. Мы отмѣтимъ изъ этой послѣдней статьи весьма интересную и поучительную основную мысль, къ которой привело автора указанное сличеніе: „изъ сопоставленія (ритуала восточной и западной

церкви) ясно, — читаемъ мы въ заключеніи очерка, — что культъ христіанской древности не есть продуктъ произвольнаго изобрѣтенія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ, личностей, но скорѣе — органически развившееся, на твердомъ основаніи Божественнаго установленія и апостольскаго устроенія, цѣлое и что, далѣе, наибольшее согласіе съ богослужебными формами первыхъ вѣковъ сохранилось въ нѣдрахъ Церкви восточной, каковыя формы эта послѣдняя еще и доселѣ сохраняетъ съ непоколебимою вѣрностію и въ строгой неприкосновенности, какъ драгоценнѣйшее духовное наслѣдіе отъ достославныхъ дней мучениковъ“ (стр. LXXX). Это дѣйствительно въ очеркѣ показано ясно; къ сожалѣнію, — повторяемъ, — этотъ очеркъ, равно какъ и объясненіе всенощнаго бдѣнія, оставлены безъ перевода, каковой переводъ было-бы сдѣлать тѣмъ болѣе необходимо, что возвышенный и трудный языкъ этихъ трактатовъ можетъ поставить въ затрудненіе иногда даже и опытнаго переводчика или читателя.

б) Далѣе, какъ мы сказали, разсматриваемый нами переводъ выполненъ вполне научно. Славянскій текстъ, съ котораго дѣлался переводъ, повсюду свѣренъ съ греческимъ, а текстъ псалмовъ ¹⁾ — такъ-же и съ Вульгатой (по изданію Alliolі и другимъ), при чемъ повсюду весьма тщательно указаны замѣченныя различія. Изложенія порядка отдѣльныхъ службъ обыкновенно предваряется объясненіями — литургическаго характера и весь текстъ, сплошь — во всей книгѣ, сопровождается непрерывнымъ подстрочнымъ комментариемъ. Кромѣ указапаго уже нами общаго объясненія всенощнаго бдѣнія, помѣщеннаго въ началѣ книги, мы находимъ въ ней еще краткое, но очень ясно изложенное, объясненіе значенія службъ: великопостной, равно какъ и — недѣль: приготовительныхъ къ великому посту (стр. 463—476), пасхальной (589—595), пятидесятницы (648—9), происхожденія честныхъ древъ св. Креста (733—4) и др. Что касается комментарія, то въ большинствѣ случаевъ онъ состоитъ въ простомъ переводѣ съ подлиннаго текста или перифразѣ трудно понимаемыхъ выраженій славянскаго,

¹⁾ Нѣм. перев. псалмовъ сдѣланъ прямо съ еврейскаго, при постоянномъ руководствѣ Русск. Синодскимъ. (См. предисл. стр. XV).

текста, а такъ-же—въ краткихъ замѣчаніяхъ литургическаго характера, указывающихъ, когда та или иная пѣснь вводится въ составъ службы и когда опускается. Но иногда мы находимъ здѣсь и поправки слав. текста. Такъ, напр., въ прошеніи на литіи: „еще молимся... *о усненіи*, ослабѣ, блаженныя памяти, и оставленіи грѣховъ всѣхъ прежде отшедшихъ отецъ и братій“..., къ выраженію „о усненіи“ сдѣлано такое замѣчаніе: „правильнѣе: *о покои* (*χοιμῆσις*—obdormitione), какъ въ эктеніи—покои, тишины, блаженныя памяти и проч.“ (стр. 94). На стр. 538, въ пѣсни: „днесь Христосъ входитъ во Виванію“... сдѣлана поправка (въ скобахъ) „во градъ святой“—Иерусалимъ и др. Очень часто, къ неяснымъ или содержащимъ двойкій смыслъ слав. выраженіямъ, въ скобахъ присоединены греческія, конечно, многое уясняющія знатокамъ. Но особенно цѣны иногда довольно обширныя подстрочныя замѣчанія *историческаго* характера, объясняющія причину установленія службы (напр., на стр. 479—481, указана причина установленія извѣстныхъ дней въ году для поминовенія усопшихъ), благочестивыхъ обычаевъ (артосъ, стр. 628—9, украшеніе въ дни пятидесятницы храмовъ и жилищъ древесными вѣтвями — 648—9 и др.), а также и праздниковъ (напр. Покрова Пресв. Богор., стр. 401 и другихъ, особенно установленныхъ Церковію *Русскою*: Осодосія Печерекаго, стр. 698—9, Кирилла и Меѳодія, стр. 703, св. Равноапостольнаго кн. Владимира, стр. 705, Чудотворной иконы Владимірской Божіей Матери, стр. 707—8, Тихвинской, стр. 712, и др. очень многіе). Пересматривая все эти, умѣло и тщательно составленныя, объясненія и примѣчанія къ славянскому тексту входящихъ въ составъ Всенощнаго Бдѣнія службъ, мы невольно натолкнулись на мысль, что можетъ быть было-бы полезно издать одинъ славянскій текстъ, безъ нѣмецкаго, для православныхъ русскихъ, присоединивъ, пожалуй, по мѣстамъ, еще добавочныя поясненія, которыя теперь, при нѣмецкомъ переводѣ съ *подлинника*, справедливо, конечно, найдены излишними. Насколько намъ извѣстно, такого изданія *всею* Всенощнаго бдѣнія, вмѣстѣ съ его измѣнчивою частью, и съ необходимѣйшими объясненіями и примѣчаніями, у насъ еще нѣтъ. Говоря о научности разсматриваемой нами книги, мы должны и съ этой стороны отмѣтить уже упомянутое

нами выше сличеніе порядка утреннихъ и вечернихъ службъ въ церквахъ восточной и западной, и это тѣмъ болѣе, что, сколько намъ извѣстно, такое сличеніе сдѣлано теперь у насъ въ первый разъ.

в) Наконецъ третье достоинство перевода о. Протоіерея есть его художественность. Оцѣнка литературнаго явленія съ этой точки зрѣнія, конечно, всегда болѣе или менѣе субъективна: художественность легче непосредственно чувствуется, чѣмъ указывается и доказывается. Но при всемъ томъ, для оправданія сдѣланнаго нами замѣчанія, мы можемъ сослаться не только на лично испытанное нами отъ чтенія перевода чувство его возвышенной и благоговѣйной поэтичности, которая иногда поднимается до художественной красоты самаго оригинала, но—и на нѣкоторыя объективныя данныя. Именно; съ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы находимъ *переводъ римоваанный* (бѣлыми, впрочемъ, римами). Таковъ переводъ одинацатаго воскреснаго Ексапостиларія („по божественнѣмъ возстаніи“... стр. 373—4), ирмосовъ Пятидесятницы („Божественнымъ покровенъ медленноязычный мракомъ“... стр. 653—7) и др. Если мы примемъ во вниманіе, что въ евангельскомъ Gesangbuch'ѣ, —съ которымъ, конечно, знакомъ каждый, живущій за границей и тѣмъ болѣе *говорящій только по нѣмецки, православный*, — всѣ гимны римованы; то въ стремленіи нашего переводчика передать такимъ-же образомъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыя, особенно торжественныя, пѣснопѣнія мы отнюдь не увидимъ праздною и безцѣльной затѣи. Такая передача ясно показываетъ, что православно-богослужебная поэзія не только не ниже, но даже возвышеннѣе часто искусственныхъ, дѣланыхъ гимновъ Gesangbuch'a и что только немощь чело-вѣческая не позволяетъ облечь эту поэзію въ римы.

Таковы достоинства труда о. Протоіерея Мальцева. Конечно, при этихъ достоинствахъ, въ его книгѣ, какъ и во всякомъ чело-вѣческомъ произведеніи, можно найти и нѣкоторыя недостатки или, точнѣе сказать, недосмотры. Такъ, прежде всего, по нашему мнѣнію самое заглавіе книги *Nachtwache* неудачно: это слово очень многосмысленно и первыя значенія его (ночной караулъ, ночное дежурство—напр., у постели больнаго) вовсе не имѣютъ литургическаго характера. У нѣмцевъ, какъ извѣстно, есть слово, точно

соотвѣтствующее нашему выраженію „всеночное бдѣніе“, — *Abendmette* или просто *Mette* (не чисто нѣмецкое, впрочемъ, а онѣмеченное католиками латинское — *matutina*). Мы не предлагаемъ, однако, этотъ терминъ въ замѣну *Nachtwache* и, напротивъ, думаемъ, что авторъ обнаружилъ много чуткости и такту, обойдя это малоупотребительное и при томъ носящее специально католическій отбѣнокъ слово. Но мы думаемъ, что, если-бы онъ оставилъ ранѣе *предположенное* (въ первыхъ, предварительныхъ объявленіяхъ о приготовленіи книги къ печати) заглавіе: *Ordnung des (orthodox-katholischen — наша добавка) Nachtgottesdienstes*, а въ скобахъ, вслѣдъ за тѣмъ, помѣтилъ *Abendmette*: то заглавіе книги вышло бы совершенно точнымъ, опредѣленнымъ, исключаящимъ всякую двусмысленность, и вполне понятнымъ для всякаго нѣмца или онѣмечившагося православнаго. — Далѣе, мы не раздѣляемъ мнѣнія автора относительно преимущества предпочтеннаго имъ термина *immerwährende Jungfrau* предъ отвергнутымъ *Immerjungfrau*. Во первыхъ, этотъ послѣдній терминъ, какъ говорить и самъ авторъ (см. предисл. стр. XXI), встрѣчается, хотя-бы то и одинъ разъ, въ поэзіи Гердера. Во вторыхъ, „сочетаніемъ нарѣчія съ именемъ существительнымъ“, отъ котораго бѣжитъ авторъ, нѣмецкій слухъ оскорбится едвали болѣе, чѣмъ избраннымъ имъ, довольно протяженнымъ, *составнымъ* выраженіемъ. Въ третьихъ, намъ кажется, что вообще, при переводѣ богослужебныхъ терминовъ, не слѣдовало-бы очень много заботиться о конкретной точности, прозрачной ясности и, такъ сказать, пластичности избираемыхъ выраженій и не очень страшиться неологизмовъ. Красота нашего церковно-богослужебнаго языка въ томъ именно и заключается, что часто въ немъ намѣчены лишь общія контуры мысли или понятія, а самая сущность его, равно какъ и подробности, детали, задернуты завѣсою священной тайны. Что-же касается неологизмовъ, то вѣдь, какъ извѣстно, во всѣхъ областяхъ мысли всѣ термины и техническія выраженія, суть вошедшіе въ привычку неологизмы. Къ термину-же *Immerjungfrau* вовсе не такъ трудно привыкнутьъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. — Наконецъ, къ числу недосмотровъ мы отнесемъ одно, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ осторожно употребленное, хотя,

впрочемъ, тотъ-часъ-же оговоренное и объясненное, выраженіе, — именно, выраженіе о Божественной Литургіи, какъ о третьей части der grossen *Erlösungsdramas*. Правда, въ статьѣ, написанной высокимъ, торжественнымъ и образцово-художественнымъ стилемъ (XXIV—XL—очень рекомендуемъ её читателю особенно съ этой стороны), появленіе такого термина было естественно, — по мотивамъ, такъ сказать, литературно-стилистическимъ. Правда такъ-же, что въ нѣкоторомъ смыслѣ крестную жертву можно назвать и драмою. Но для *исключительной* драмы едвали пригодно выраженіе, которое такъ часто употребляютъ и которымъ еще чаще злоупотребляютъ... Впрочемъ, — повторяемъ, — замѣчаніе, какъ это и очевидно, касается лишь выраженія, но не смысла, совершенно православнаго.

Заканчивая здѣсь свою краткую библиографическую замѣтку о книгѣ досточтимаго о. Протоіерея, желаемъ ему съ такимъ-же усердіемъ и успѣхомъ выполнить и предположенное уже имъ ея продолженіе (переводъ полунощницы, великаго повечерія, каноновъ, акаѳистовъ, чино-последованія таинствъ и пр.). Его трудъ, безспорныя достоинства котораго вполнѣ отвѣчаютъ высотѣ и важности предмета, которому онъ посвященъ, несомнѣнно окажетъ большую услугу не только нашей богословской наукѣ, но и дѣлу православія на Западѣ.

А. W.
